

УДК 81'255.4

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.36

**ПЕРЕВОД «АНОМАЛЬНЫХ» ПРЕЦЕДЕНТОВ, ВВЕДЕННЫХ АВТОРОМ
В СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

© Е. А. Морозкина, О. С. Терентьев*

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Тел.: +7 (964) 961 17 21.

*Email: mylegsarealreadycut.ot@gmail.com

Статья посвящена исследованию перевода прецедентных феноменов семиотического пространства художественного текста американского писателя К. Воннегута «Колыбель для кошки» и их интерпретации в русскоязычном переводе Р. Я. Райт-Ковалевой. Отмечается двойственный характер семиотического пространства текста и необходимость расшифровки закодированных в нем прецедентов. В статье приводятся определения прецедентных феноменов, данные отечественными учеными, подчеркивается важность реинтерпретации прецедентного феномена. Выделяются традиционный тип прецедентов, прецеденты-неологизмы и «аномальные» прецеденты, термины, введенные авторами статьи. Была предпринята попытка расшифровки «аномальных» прецедентов посредством анализа оригинала и перевода текста, а также поиска лингвистических соответствий в других языках и культурах. Доказывается, что перевод «аномальных» феноменов в художественном тексте должен быть выполнен наиболее точно, с целью не потерять первоначально заложенный автором смысл.

Ключевые слова: семиотика, семиотическое пространство, прецедент, «Колыбель для кошки», «аномальный» прецедент, художественный перевод.

Сопоставительный анализ семиотических пространств художественных текстов на английском и русском языках на сегодняшний день остается малоизученной и актуальной проблемой. Ряд произведений литературы постмодернизма XX в. характеризуется своеобразной структурой текста, в которой немаловажную роль играют семиотические пространства. Подобным текстом является роман одного из наиболее значительных американских писателей XX в. Курта Воннегута «Колыбель для кошки», написанный в 1963 г. и переведенный на русский язык в 1992 г. переводчицей Р. Я. Райт-Ковалевой. Отличительной особенностью произведения является двойственный характер семиотического пространства текста оригинала, представленный придуманной автором религией «боконизм», рядом видоизмененных прецедентов и неологизмов. Наряду с этим в тексте в имплицитной форме фигурируют идеи о конце света, конфликте научно-го прогресса и религии, о проблеме будущих поколений. Актуальность темы исследования определяется тем, что изучение такого сложного для понимания читателя аспекта художественного текста, как семиотическое пространство, представляет большой интерес для сопоставительного языкознания, поскольку позволяет более точно передать изначально заложенное автором смысловое наполнение при переводе на русский язык. В статье разработана классификация прецедентов внутри семиотического пространства боконизма, впервые вводится понятие «аномального» прецедента, этим обусловлена научная новизна данной работы. Нами была предпринята попытка расшифровки «аномальных» прецедентов посредством их анализа в

оригинале и при переводе на русский язык, а также поиска лингвистических соответствий в других языках, прецедентных текстах и культурах.

Изучение прецедентных феноменов внутри семиотических пространств оригинала и перевода романа «Колыбель для кошки» является целью данной статьи, что обуславливает постановку следующих задач: выявление прецедентных феноменов внутри семиотического пространства текста; классификацию найденных лексических единиц; расшифровку смысловой наполненности «аномальных» прецедентов и прецедентов-неологизмов; краткий анализ перевода лексических единиц на русский язык; объяснение причин, по которым автор может изменять смысловое наполнение прецедента.

Для исследования семиотической структуры художественного текста используется структурно-семиотическая концепция Ю. М. Лотмана, центральное место в которой отводится понятию «семиосферы». Под семиосферой следует понимать особое культурное пространство, в котором осуществляется знаковая коммуникация и даже становится возможным семиозис – процесс функционирования знаков и текстов [2; 4]. Семиосфера, согласно Ю. М. Лотману, представляет собой целое «измерение существования», представленное последовательностью знаков (текстами), упорядоченных в соответствии с особой системой кодов. Текст является «своеобразной проекцией культурного пространства», что в некоторой степени определяет особенности его структуры и идейного содержания. В связи с этим, способ описания структуры семиосферы может быть использован и по отношению к самому тексту как к составляющей единице семи-

осферы. В работе «Семиосфера» Ю. М. Лотман выделяет разные типы пространств в структуре художественного текста, предполагая «вторжение внешнего пространства (стихии) во внутреннее» [7, с. 399]. При этом художественный текст можно рассматривать в качестве «особым образом устроенного механизма», который содержит в себе долю сконцентрированной информации [8, с. 186].

В статье особое внимание уделяется прецедентным феноменам. Термин «прецедентный текст» был впервые использован в лингвистической практике Ю. Н. Карауловым в 1986 г. Определение прецедентных текстов получило следующую формулировку в его работе: «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 121]. Немаловажно, что под «языковой личностью» Ю. Н. Караулов [5, с. 22] понимает два феномена: любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для отражения определенных целей в этом мире; комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющей системное представление языка с функциональным анализом текстов. Другой важной особенностью прецедентных текстов является их реинтерпретация, причем не только в рамках лингвокультурного сообщества, в котором создаются те или иные тексты, но и в других языках и культурах, если в оригинальном или «переводном» варианте они входят в когнитивную базу другого сообщества, в других видах искусства и науки. В случае с предметом исследования реинтерпретация играет особую роль, так как «боканизм» из выдуманной идеологии, существующей непосредственно в рамках текста, превращается по сюжету в реальную форму вероисповедания, которая действительно практикуется немногочисленными последователями в реальном мире.

Обратимся к разным трактовкам понятия «прецедентный феномен». Под прецедентными феноменами Е. А. Нахимова понимает важнейшую часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанную с национальными ценностями и традициями. Также Е. А. Нахимова отмечает, что ПФ часто выступают в роли нравственных эталонов нации, фиксирующих ее оценку реальности [13, с. 45]. В то же время Д. Б. Гудков отмечает, что прецедентные феномены являются «основными (ядерными) элементами когнитивной базы» – определенным образом структурированной

совокупности знаний, «которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества» [3, с. 113].

Как отмечает В. В. Красных, за прецедентными феноменами всегда стоит общее и обязательное представление для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, это делает все апелляции к прецедентным явлениям «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными. В. В. Красных подчеркивает «возобновляемость» обращения к тому или иному прецеденту, т.е. апелляции к нему могут и не быть частотными, но они обязательно понятны собеседнику без какой-либо дополнительной расшифровки и комментария. Экстраполируя понимание прецедентного феномена разными учеными на наш предмет исследования, отметим, что отдельные знаковые элементы пространства представлены в виде авторских неологизмов. Данная особенность идет вразрез с пониманием В. В. Красных, так как языковая единица перестает быть понятной и «прозрачной» для читателя, она нуждается в пояснении и расшифровке [6].

В центре внимания данной статьи уникальное лингво-семиотическое пространство. «Нравственно-религиозный» боканизм, в первую очередь основанный на *фоме* – безобидной лжи, представляет собой аллюзивную карикатуру на некоторые другие религии. Смысловая составляющая внутри пространства боканизма представлена исключительно в виде знаков и кодов, что накладывает определенные трудности на расшифровку первоначально заложенных автором значений. Процесс «раскодирования» может потребовать от переводчика привлечения одного или нескольких претекстов [10, с. 245]. Основной объем закодированной информации содержится во множестве терминов и авторских новообразований, в совокупности составляющих вокабуляр бокониста и определяющих семиотическое пространство текста. Значительная часть этого вокабуляра находит свое отражение в прецедентах, при этом зачастую завуалированных и видоизмененных. На протяжении повествования автор апеллирует к различным религиозным концептам, прецедентным ситуациям, именам и текстам, но делает это имплицитно, скрывая смыслы за сложной формой неологизмов. Стоит подчеркнуть, что такой «текст-код» является именно текстом, это организованная структура знаков, а не абстрактный набор правил для построения текста [9, с. 33].

В ходе расшифровки смысловой наполненности использованных автором прецедентов, найденные лексические единицы были классифицированы в зависимости от того, насколько сильные изменения претерпели их идейная и структурная формы. Согласно классификации, все прецеденты были разделены на три группы: традиционные прецеденты, прецеденты-неологизмы и «аномальные» прецеденты. Группа традиционных прецедентов включает в себя лексемы, не получившие существенных

изменений в ходе авторского переосмысления. Такие единицы без труда узнаются читателем, поскольку их структурная форма прозрачна и имеет четкие параллели с существующими в действительности событиями, именами или текстами.

Противоположностью традиционным прецедентам является группа прецедентов-неологизмов. Отличительной особенностью данных феноменов выступает их полностью измененная форма, в сущности, заново придуманная автором. Такие лексемы не могут существовать вне контекста и собственно семиотического пространства, а в художественном тексте обязательно сопровождаются пояснением, при этом зачастую пояснения оказываются не менее туманными и непонятными для читателя, чем сама форма прецедента. Отмечаем, что, обладая полностью преобразованной формой, данные лексемы продолжают характеризоваться прецедентностью на смысловом уровне.

Лексические единицы, входящие в третью группу проанализированных прецедентов, обладают двойственностью значений и представляют наибольший интерес в рамках данной статьи. Для обозначения прецедентов третьей группы был введен термин «аномальные» прецеденты. «Аномальные» прецеденты могут иметь измененную форму и искаженную смысловую составляющую, но при этом лексически более понятны, нежели прецеденты-неологизмы. Суть «аномальных» прецедентов доступна к расшифровке посредством этимологического анализа их формы или логического сопоставления с реальными религиозными и культурными прецедентами.

Рассмотрим группу традиционных прецедентов. В нее вошли такие лексические единицы, как *atomic bomb/атомная бомба*, *Hiroshima/Хиросима*, *cat's cradle/кошкина колыбель*, *San Lorenzo/Сан-Лоренцо* [1; 14]. Одной из центральных тем произведения является конфликт научного прогресса и религии, причем развитие науки, по мнению писателя, может обернуться для человечества концом света. По сюжету главный герой пишет свою книгу о дне, когда на Хиросиму была сброшена атомная бомба. Здесь автор использует понятные читателю традиционные прецеденты – исторические события в Японии широко известны, и вряд ли среди взрослой читающей аудитории найдется человек, не знающий об этой прецедентной ситуации. Понятие «колыбель для кошки» также является важным семиотическим знаком в данном тексте. С одной стороны, прецедент довольно понятен реципиенту – такое название носит детская игра, плетение узоров из веревки или бечевки, надетой на пальцы. С другой стороны, кошкина колыбель в семиотическом пространстве текста наделяется важным символическим смысловым значением и становится олицетворением бессмысленности мира, безответственности ученых, виновных в глобальных катастрофах. В результате автор расширяет смысловое значение

прецедента и начинает своеобразную игру с читателем, которому без труда удастся опознать форму прецедента, однако еще предстоит разобраться в его измененной смысловой составляющей.

Также вызывают интерес аллюзии, связанные с христианством. Так, название острова Сан-Лоренцо, на котором разворачиваются основные события произведения, непосредственно указывает на имя Святого Лаврентия, римского великомученика, здесь *San Lorenzo* является итальянским аналогом имени святого. В католическом искусстве его часто изображают с решеткой в руках – на ней он был заживо зажат за то, что раздал церковные сокровища нищим, калекам и больным. В одной из глав текста также встречается упоминание решета, через которое нищие островитяне цедили воду из водопада в поисках чего угодно ценного: “*The villagers have a net made out of chicken wire stretched across a notch in the bowl. Water spills out through the notch into a stream*”. «*Через узкое горло бассейна, откуда вытекает река, крестьяне протянули частую металлическую сетку. Через нее и процеживается вся вода из водопада*» [1; 14]. Примечательно, что прецедентное имя *San Lorenzo* было переведено приемом транслитерации, что может способствовать благозвучию текста, однако затрудняет восприятие аллюзии как таковой. Вариантом для перевода мог послужить «остров Святого Лаврентия» или опция «Сан-Лоренцо», но сопровождаемая переводческим комментарием.

Группа прецедентов-неологизмов включает в себя следующие лексемы: *karass/карасс*, *duprass/дюпрасс*, *granfalloon/гранфаллон*, *wampeter/вампитер*, *kan-kan/канкан*. Автор с первых страниц обрушивает на читателя поток непонятных терминов, попутно давая им смутные определения. На первый взгляд боконистические неологизмы кажутся бессмыслицей, однако по мере повествования раскрывается истинный смысл некоторых из них. Боконисты верят в то, что общество организовано по принципу неких групп, называемых *карассом*, в которые каждый человек попадает с помощью *канкана*, чью роль для героя произведения сыграла его незаконченная книга. Название сего «орудия», ассоциируемого с известным танцем, указывает на хаотичность и даже бессмысленность такого события. Основа *карасса* – *вампитер*, который может быть как предметом, так и идеей. *Гранфаллон* – это ложный *карасс*, не имеющий смысла с божественной точки зрения. Английский вариант *granfalloon* соответствует в тексте лексеме *balloon*: *If you wish to study a granfalloon, just remove the skin of a toy balloon/Что такое гранфаллон? Поди-ка разбери: с шарика воздушного шкурку обедри – гранфаллон и будет то, что у него внутри!* [1; 14]. Вышеуказанные понятия в своей сути восходят к индийским религиям, где предопределенность судьбы и взаимосвязь людей, участвующих в одних и тех же событиях, занимают немаловажное место. В резуль-

тате выдуманные автором лексемы в своей совокупности отсылают читателя к определенным религиозным концепциям. Перевод всех прецеденто-неологизмов выполнен посредством приема транслитерации с целью сохранить выдуманный характер новообразований в тексте перевода.

Из ряда «аномальных» прецедентов для данного исследования были отобраны наиболее наглядно иллюстрирующие авторскую деформацию формы и смысла: *Books of Bokonon/Книги Боконона*, *sin-wat/синват*, *saroon/сарунг*, *stuppa/дурра*, *foma/фома* [1; 14]. Данные прецеденты в той или иной степени поддаются расшифровке. Так, само имя *Боконон* всего лишь вариация фамилии *Джонсон*, переименованной на манер специфического произношения жителей острова Сан-Лоренцо. *Книги Боконона*, несомненно, обладают прецедентностью внутри семиотического пространства текста, но также они объединяют в себе пародию на такие священные писания, как Библия или Коран. При этом автор деформирует смысловую составляющую прецедента – если в реальности Библия рассматривается верующими как нечто достоверное и правильное, то в *Книгах Боконона* сплошная ложь и *фома*. Ложь в рамках семиотического пространства текста называется *фомой*, и именно ложь в романе берет верх над правдой. «Правда стала врагом народа, потому что правда была страшной, и Боконон поставил себе цель – давать людям ложь, приукрашивая ее все больше и больше» [1]. Эта ложь создает иллюзорное восприятие реальности у множества людей в любом обществе, и орудием этому служит не только религия. Лексема *фома* также несет в себе ассоциацию с именем апостола, прозванным Фомой Неверующим. Можно предположить, что Воннегут идет дальше и связывает суть лексемы со средневековым верованием гностиков, у которых Фома стал символом постижения тайного учения Христа не через слепую и безрассудную веру, а посредством собственного разума. Такая трактовка представляется логичной, учитывая одну из основных тем текста – конфликт научного прогресса и религии. Развивая тему, автор не раз отмечает, что любое верование нужно подвергать сомнению и пропускать сквозь призму рациональности. В таком случае, лексема *фома* отсылает читателя как к прецедентному имени, так и воплощает в себе идею о целесообразности религии как таковой.

Продолжая аналогию Воннегута между *Книгами Боконона* и Библией, стоит отметить, что Стихи Боконона называются *калипсо*, что незамедлительно отсылает читателя к древнегреческому мифу о нимфе Калипсо, с которой выживший в шторме Одиссей провел семь лет на острове Огигия. Аналогично по сюжету книги Боконон и его спутник терпят крушение у берегов острова, после чего

их выносит на песчаный берег. Более того, у лексемы *калипсо* есть и иное значение – жанр карибской танцевальной музыки (*calypso music*), а в романе эти стихи неоднократно пропевались.

Ряд «аномальных» прецедентов относится к буддистской культуре. Лексема *синват* определяет человека, «*который хочет забрать себе чью-то любовь всю, целиком*». В оригинальном варианте лексема представлена сложным словом *sin-wat*, при этом часть *sin* переводится как грех, проступок, а *wat* в индийской культуре – буддистский храм, место поклонения. В результате дословно лексему можно расшифровать как «оскверняющий нечто святое». Лексема *сарунг*, обозначающая «подаваться кажущимся требованиям вин-дита» (в оригинале *saroon*), созвучна саронгу (*sarong*), лексеме, передающей название традиционной одежды жителей ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. А *дурра*, в оригинале *stuppa*, ассоциируется с буддистским сооружением для хранения реликвий, свято почитаемым последователями этой религии. При этом очевидна связь с лексемой “*stupid*”, именно ее переводчик и подчеркнул посредством варианта «дурра», второе значение не сохранилось в тексте перевода. Отметим, что при переводе «аномальных» прецедентов переводчик продолжил пользоваться приемом транслитерации, что приносит определенные затруднения в процесс понимания текста перевода русскоязычными читателями. Оригинальные лексемы позволяют догадаться об имплицитном смысле и расшифровать получившийся семиотический код, но будучи транслитерированы на язык перевода окончательно лишаются смысла.

Проведенный анализ прецедентных феноменов, содержащихся в семиотическом пространстве текста «Колыбель для кошки» показал, что автор может в разной степени влиять на структурную и смысловую форму прецедента. Минимальные смысловые изменения не являются значительными и позволяют продолжать рассматривать прецедент как традиционный. Традиционные прецеденты не представляют сложности для перевода, поскольку в большинстве своем имеют устойчивые соответствия в языке перевода. В случае, когда структурная форма претерпевает значительные изменения, либо воссоздается заново, читатель имеет дело с прецеденто-неологизмом. Данный феномен сложен для объяснения, т.к. истинный смысл доступен только автору данного прецедента, однако сюжет произведения позволяет провести параллели с уже существующими в мире, близкими по сути прецедентами, и дать им объяснение. Перевод прецеденто-неологизмов выполняется посредством приема транслитерации, данный прием способен в полной степени отразить необычную форму лексем в языке перевода, однако, одновременно, и окончательно скрыть их смысл для русского читателя.

«Аномальные» прецеденты могут быть изменены как структурно, так и по смыслу, но при этом

автор оставляет «подсказки» в фонетической структуре лексемы. Посредством таких «подсказок» читатель может опознать оригинальную идею автора, однако для этого необходимо их сохранить и в тексте перевода. Прием транслитерации не подходит для перевода структурно-измененных прецедентов, поскольку в таком случае теряется идея автора, а основная задача переводчика художественного текста – «достоверно передать целостность и смысловую многозначность оригинала» [12, с. 280]. Считаем, что при переводе данного произведения можно воспользоваться переводческим комментарием, который бы дал более полную информацию о прецедентах и событиях, упомянутых в тексте [11, с. 504].

Активно пользуясь семантическими преобразованиями, автор ведет некую игру с читателем, в которой последний пытается разгадать смысловые ребусы, заложенные в произведение. В процессе чтения происходит переосмысление прецедентов, что может запутать реципиента, однако это тоже является частью игры. Также добавление или опущение смыслов прецедентов позволяет автору взаимодействовать с читателем на эмоциональном уровне посредством иронии, высмеивания, черного юмора и обыгрывания различных прецедентных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воннегут К. Колыбель для кошки // пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. М.: изд-во АСТ, 2020. 282 с.
2. Гриненко Г. В. Семиосфера и семиотика культуры // Культура и образование. 2013. №1(10). С. 32–39.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка. Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. Философия. М.: Гнозис, 1998. С. 112–115.
4. Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М.: НЛЮ, 1999. 384 с.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монограф. М.: изд-во ЛКИ. 2010. 264 с.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 220 с.
9. Лотман Ю. М. Текст в тексте. Труды по знаковым системам, 1981. Т. 14. №567. С. 30–42.
10. Морозкина Е. А. Вариативность перевода «текстовой аномалии» // Редакционная коллегия. 2018. С. 242–246.
11. Морозкина Е. А., Исхакова Э. В. Комментарий в оригинале и переводе прецедентных текстов. Вестник БашГУ. 2019. Т. 24. №.2. С. 503–508.
12. Морозкина Е. А., Тимирбаева О. О. Проблемы перевода парадокса (на мат-ле романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и англоязычных версий его перевода). Вестник Чувашского ун-та. 2017. №.2. С. 277–283.
13. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе. Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 44–48.
14. Vonnegut K. Cat's Cradle. New York: Dell Publishing, 1963. 117 p.

Поступила в редакцию 28.12.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.36

**TRANSLATION OF ABNORMAL PRECEDENTS IN SEMIOTIC SPACE
OF ENGLISH LITERARY TEXT INTO RUSSIAN LANGUAGE**

© **E. A. Morozkina, O. S. Terentyev***

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (964) 961 17 21.

*Email: mylegsarealreadycut.ot@gmail.com

The authors study the translation of precedential names in the semiotic spaces of Curt Vonnegut's novel "Cat's cradle" and its interpretation in the Russian translation version made by R. Rait-Kovaleva in 1992. It is stated that the nature of semiotic space of the text is of a complex kind and there is a necessity to decode all the precedential names the text provides. The authors of the article consider various definitions of precedential phenomenon given by Russian scientists and emphasizes the importance of reinterpretation. The article provides the classification of precedential names dividing them into traditional ones, neologisms, and abnormal precedents. The group of traditional precedents includes units that have not received significant changes during the process of the author's rethinking. Such units are easily recognized by the reader, since their structural form is transparent and they allude to existing events, names, or texts. A distinctive feature of precedents-neologisms is their completely changed form which is re-invented by the author. In turn, abnormal precedents can have a changed form and incorrect semantic component, but in this case they are lexically more understandable than neologistic precedents. It was attempted to decode all the abnormal precedents in the text with the help of original and translated texts. The article proves that the translation of abnormal precedents should be done quite accurately so as not to lose the special semantical meaning the author had implied into the text.

Keywords: semiotics, semiotic space, Cat's cradle, precedential name, abnormal precedent, literary translation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Vonnegut K. Kolybel' dlya koshki [Cat's cradle]. per. c angl. R. Rait-Kovalevoi. Moscow: izd-vo AST, 2020.
2. Grinenko G. V. Kul'tura i obrazovanie. 2013. No. 1(10). Pp. 32–39.
3. Gudkov D. B. Pretsedentnoe imya v kognitivnoi baze sovremennogo russkogo yazyka. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. No. 4. Filosofiya. Moscow: Gnozis, 1998. Pp. 112–115.
4. Egorov B. F. Zhizn' i tvorchestvo Yu. M. Lotmana [Life and work of Yu. M. Lotman]. Moscow: NLO, 1999.
5. Karaulov, Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost': monograf. [Russian language and linguistic personality: monograph]. Moscow: izd-vo LKI. 2010.
6. Krasnykh V. V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [Being "at home" among "strangers": myth or reality?] Moscow: Gnozis, 2003.
7. Lotman Yu. M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000.
8. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of artistic text]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1998.
9. Lotman Yu. M. Tekst v tekste. Trudy po znakovym sistemam, 1981. Vol. 14. No. 567. Pp. 30–42.
10. Morozkina E. A. Redaktsionnaya kollegiya. 2018. Pp. 242–246.
11. Morozkina E. A., Iskhakova E. V. Kommentarii v originale i perevode pretsedentnykh tekstov. Vestnik BashGU. 2019. Vol. 24. No. .2. Pp. 503–508.
12. Morozkina E. A., Timirbaeva O. O. Problemy perevoda paradoksa (na mat-le romana M. Yu. Lermontova «Geroi nashego vremeni» i angloyazychnykh versii ego perevoda). Vestnik Chuvashskogo un-ta. 2017. No. .2. Pp. 277–283.
13. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v prezident-skom diskurse. Politicheskaya lingvistika, 2007. No. 2 (22). Pp. 44–48.
14. Vonnegut K. Cat's Cradle. New York: Dell Publishing, 1963.

Received 28.12.2020.